

ЮЛИЯ СМЕРНОВА

КВАРТИРА, КОТОРОЙ НЕТ

Юлия Смирнова

Квартира, которой нет

«Автор»

2026

Смирнова Ю.

Квартира, которой нет / Ю. Смирнова — «Автор», 2026

На её этаже нет квартиры 47. Есть 46-я. Есть 48-я. А между ними — стена. Каждую ночь ровно в 03:17 из-за стены доносится плач маленькой девочки. Соседка просит Анну никогда ей не отвечать, мать, услышав новый адрес дочери, требует немедленно уехать, а под слоями старой краски обнаруживается номер давно исчезнувшей квартиры. Анна начинает расследование и узнаёт, что двадцать семь лет назад в квартире 47 произошёл пожар. Молодая женщина погибла, а её семилетняя дочь бесследно исчезла. Тело девочки так и не нашли. Но чем глубже Анна погружается в историю дома, тем больше вопросов возникает. Почему часть квартиры 47 исчезла с планов? Куда делись двадцать квадратных метров? Что скрывает её собственная мать? И почему девочка за стеной знает имя Анны? Некоторые тайны можно замуровать. Но это не значит, что они останутся за стеной навсегда.

© Смирнова Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Квартира номер 46	5
Глава 2. За стеной	13
Глава 3. Старый план.	22
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Юлия Смирнова

Квартира, которой нет

Глава 1. Квартира номер 46

Ключ не хотел поворачиваться. Анна попробовала ещё раз, сильнее надавив на тяжёлую металлическую дверь. В глубине старого замка что-то сухо щёлкнуло, ключ наконец провернулся, и дверь медленно подалась внутрь. На мгновение ей показалось, будто квартира сопротивлялась до последнего и выпустила новую хозяйку лишь потому, что больше не могла удерживать дверь закрытой. Глупая мысль. Анна усмехнулась, вытасила ключ и переступила порог.

В прихожей пахло пылью, старым деревом и немного сыростью. Не плесенью — перед покупкой Анна специально осмотрела углы и даже заставила риелтора открыть встроенные шкафы. Запах был другим, характерным для старых домов, в которых десятилетиями менялись жильцы, обои и мебель, а стены оставались прежними. Она нащупала выключатель. Лампочка под высоким потолком мигнула дважды и загорелась тусклым жёлтым светом.

— Ну вот, теперь ты дома, — сказала Анна, поставив сумку на пол.

Фраза прозвучала не так торжественно, как хотелось. Скорее как попытка убедить себя. Ещё два месяца назад никакой квартиры 46 в её жизни не существовало. Был Максим, была их трёхкомнатная квартира в новом районе, кофемашина, которую они долго выбирали вместе, два комплекта ключей на общей полке в прихожей и уверенность, что после одиннадцати лет брака самое страшное, что может случиться с отношениями, — это скука. Потом Максим оставил телефон экраном вверх.

Анна до сих пор иногда вспоминала не сообщения и даже не имя женщины, которое увидела первым, а собственное удивление. Восемь месяцев. Восемь месяцев её муж жил сразу двумя жизнями, возвращался домой, ужинал, спрашивал, как прошёл день, строил планы на отпуск и иногда даже говорил, что любит её. Когда всё выяснилось, он долго молчал, а потом произнёс:

— Давай хотя бы останемся нормальными людьми.

Анна тогда рассмеялась. Не потому, что было смешно. Просто в тот момент другого ответа у неё не нашлось. Развод прошёл почти неприлично быстро: общую квартиру продали, деньги разделили. Максим снял апартаменты в новом жилом комплексе, а Анна несколько недель прожила у Кати, пока искала собственное жильё.

Новостройки она отвергала одну за другой. Белые стены, одинаковые кухни и стеклянные подъезды почему-то вызвали раздражение. После одиннадцати лет жизни, которую Анна считала надёжной и современной, ей хотелось чего-то совсем другого — дома с историей. Теперь, оглядывая узкую прихожую своей новой квартиры, она впервые подумала, что с этим желанием стоило быть осторожнее.

Дом был построен в конце тридцатых годов. Толстые стены, высокие потолки, дубовый паркет, широкие подоконники и старые деревянные двери — всё это понравилось Анне ещё во время первого просмотра. Квартира требовала ремонта, но жить в ней можно было сразу. Прежний хозяин оставил почти всю мебель: тяжёлый стол, два стула, старый диван и большую деревянную кровать. Риелтор назвала это приятным бонусом, но Анне пришла в голову совсем другая мысль: владелец настолько хотел избавиться от квартиры, что не пожелал возвращаться даже за собственными вещами.

Цена тоже казалась подозрительной. Для старого дома почти в центре города она была настолько низкой, что Анна сначала решила, будто в объявлении допустили ошибку. Она дважды проверила документы, поговорила с юристом, выяснила всё о долгах, наследниках и

возможной незаконной перепланировке. Ничего. По словам риелтора, хозяин жил в другом городе, квартира досталась ему по наследству и деньги требовались срочно. Сделка прошла быстро и без единой проблемы. После последних месяцев Анне отчаянно хотелось поверить, что хоть что-то в её жизни действительно может оказаться простым.

Она прошла в гостиную и открыла окно. Дом образовывал почти замкнутый двор-колодец. На противоположной стороне тянулся такой же серый фасад с местами осыпавшейся лепниной и тёмными высокими окнами. Внизу стояли машины, возле подъезда разговаривали двое подростков, женщина в красной куртке выгуливала маленькую белую собаку. Самый обычный городской двор, и это почему-то успокаивало.

Телефон в кармане завибрировал. На экране по-прежнему висело вчерашнее сообщение Максима: «Ты серьёзно? В этом доме?» Анна несколько раз собиралась спросить, что именно он имеет в виду, но каждый раз останавливала себя. Если Максим действительно знал что-то важное, мог сказать прямо. Она больше не собиралась участвовать в его любимой игре, где смысл приходилось вытягивать из недоговорённостей. Анна удалила сообщение и достала из коробки маленький кактус — единственное растение, пережившее развод, переезд к Кате и две недели жизни на чужом подоконнике.

— Ты первый. Считаю это повышением.

Кактус не оценил шутку. Анна поставила его на широкий подоконник, и в этот момент телефон зазвонил. Мама. Она посмотрела на экран и сбросила вызов. Почти сразу пришло сообщение: «Ты уже переехала?» Анна ответила коротким «Да». Следом появилось: «Позвони мне». Она написала «Позже» и убрала телефон.

Сегодня ей совершенно не хотелось слушать вопросы о Максиме, деньгах и том, не потропила ли она с покупкой. Тамара Сергеевна считала, что после развода дочери следовало хотя бы полгода «ничего резко не менять». Анна придерживалась другого мнения: в тридцать четыре года она имела право сама выбирать момент для собственных ошибок.

Следующие несколько часов ушли на вещи. Книги заняли полки в гостиной, посуда перекочевала на кухню, одежда — в спальню. Постепенно квартира переставала казаться чужой. Спальня нравилась Анне больше остальных комнат: большое окно выходило на улицу, старый дубовый паркет сохранился почти идеально, а потолок был таким высоким, что небольшая люстра казалась игрушечной. Массивная деревянная кровать прежний хозяин тоже оставил. Анна собиралась заменить её при первой возможности, но пока решила не тратить деньги.

Разбирая очередную коробку, она впервые внимательно посмотрела на стену справа от кровати. Та выглядела непропорционально толстой. Во время осмотра риелтор объясняла, что в доме стены местами почти метровые: «Раньше строили на века». Анна подошла и постучала костяшками пальцев. Звук был глухим. Сделала шаг в сторону и повторила. На этот раз звук оказался другим — чуть более пустым.

Анна постучала ещё раз.

Тук.

Она замерла.

Через несколько секунд из глубины стены донеслось:

Тук-тук.

Анна нахмурилась и приблизилась.

— Соседи?

Она приложила ухо к обоям, но услышала только тишину. Наверное, трубы. Или звук пришёл сверху. Старые дома славилась странной акустикой, и Анна не собиралась превращать каждый скрип в мистическую загадку.

Она уже вернулась к коробкам, когда раздался звонок в дверь. Анна ждала доставку, поэтому открыла, не посмотрев в глазок.

На площадке стояла пожилая женщина в тёмно-синем домашнем платье. В руках она держала бумажный пакет, из которого выглядывали красные яблоки. Анна поздоровалась, но женщина не ответила. Она смотрела на новую соседку с таким выражением, словно перед ней появился человек, которого она считала давно умершим.

Пальцы старухи разжались. Пакет упал на пол, яблоки раскатились по площадке.

— Господи... Не может быть. Анна шагнула к ней.

— Вам плохо?

Вопрос словно привёл женщину в чувство. Она поспешно наклонилась за яблоками.

— Ничего. Простите.

Анна помогла собрать рассыпавшиеся фрукты и протянула ей последнее яблоко.

— Я Анна. Сегодня переехала.

— Я знаю.

— Знаете?

— Машину видела. Я напротив живу, квартира сорок пять. Вера Павловна.

Анна представилась ещё раз, хотя соседка уже знала её имя, и заметила, как та посмотрела на номер над дверью.

— Сорок шестая?

— Да.

— Вы её купили?

— Купила.

— У кого?

Вопрос прозвучал неожиданно резко. Анна назвала фамилию продавца, но Вера Павловна только медленно покачала головой.

— Не знаю такого.

— Насколько я поняла, он здесь и не жил. Получил квартиру по наследству.

Старуха снова посмотрела на Анну, теперь внимательно изучая лицо.

— Родители у вас живы?

— Мама жива.

— А отец?

— Умер.

— Давно?

Анна почувствовала раздражение.

— Вера Павловна, простите, а почему вы спрашиваете?

Соседка словно опомнилась.

— Не обращайтесь внимания. Старость. Любопытство. Я здесь давно живу.

— Насколько давно?

— С семьдесят восьмого.

— Тогда вы, наверное, знаете про этот дом всё.

На лице старухи появилось странное выражение.

— Не всё.

Она направилась к своей двери, но Анна окликнула её.

— Вера Павловна, когда вы меня увидели, вы сказали: «Не может быть». Что вы имели в виду?

Женщина взялась за ручку.

— Ничего я не говорила.

— Говорили.

— Вам показалось.

Дверь квартиры 45 закрылась прежде, чем Анна успела задать следующий вопрос.

Несколько секунд она стояла на площадке, глядя на соседскую дверь. Потом повернулась к своей и впервые внимательно рассмотрела номера квартир. Слева находилась 45-я, затем её 46-я, а дальше по коридору — 48-я. Между двумя последними дверями оставался довольно широкий участок стены. Никакого входа там не было.

Квартира 47 отсутствовала.

Анна задержала взгляд на пустой стене, но почти сразу пожала плечами. В старых домах квартиры объединяли, делили, меняли нумерацию. Ничего необычного. Если начать искать тайну в каждой архитектурной странности, можно быстро превратить собственную жизнь в дешёвый детектив.

К вечеру большая часть коробок была разобрана. Анна заказала еду, налила себе бокал вина и устроилась в гостиной. Когда телефон снова зазвонил и на экране появилось имя матери, она всё-таки ответила.

— Мам, я жива.

— Я уже поняла. Как квартира?

— Хорошая.

— Точно?

— Начинается.

— Я просто спросила.

Анна рассказала о высоких потолках и старом паркете, после чего Тамара неожиданно попросила назвать адрес. Анна назвала улицу и номер дома. На другом конце линии стало тихо.

— Мам?

— Ты уверена, что это тот адрес?

Анна рассмеялась.

— Нет. Я случайно купила квартиру в другом доме.

— Анна, я серьёзно.

Что-то в голосе матери заставило её перестать улыбаться.

— Да. Адрес тот. А что?

— Какой этаж?

— Четвёртый.

Снова пауза.

— Мам, что происходит?

— Ничего.

— Ты знаешь этот дом?

— Нет.

Ответ прозвучал слишком быстро.

— Ты здесь когда-нибудь была?

— Я сказала — нет.

— Тогда почему спрашиваешь про этаж?

— Просто спросила. Я устала. Давай завтра. Позвони мне утром, хорошо?

— Хорошо.

— Обязательно.

Мать отключилась. Анна медленно положила телефон на стол. За один день два совершенно разных человека странно отреагировали на неё и новую квартиру. Вера Павловна, увидев её, побледнела и уронила пакет. Мать, услышав адрес, начала задавать вопросы и явно соврала, что ничего не знает.

Совпадение, решила Анна. И заставила себя больше об этом не думать.

Около полуночи она приняла душ, проверила оба замка на входной двери и легла. Новый дом звучал иначе, чем прежняя квартира. Где-то далеко хлопнула дверь, по трубам прошла

вода, несколько раз проехал лифт. За окном шуршали по мокрой дороге редкие машины. Постепенно звуки стихли, и Анна уснула.

Ей приснилась лестница. Узкие каменные ступени уходили вверх и растворялись в густом дыму. Стены были покрыты копотью, деревянные перила местами обуглились, под ногами хрустело разбитое стекло. Где-то наверху плакал ребёнок.

Анна поднималась, прикрывая рот ладонью.

— Где ты?

Плач становился громче. На следующей площадке из дыма проступила маленькая фигура. Девочка стояла босиком, в светлой ночной рубашке, тёмные волосы закрывали лицо.

— Иди ко мне, — позвала Анна.

Девочка не двигалась. Вокруг потрескивало горящее дерево.

— Ты меня слышишь?

Ребёнок медленно поднял голову.

— Мама...

Анна проснулась и резко села. Несколько секунд не понимала, где находится. Сердце билось слишком быстро, во рту пересохло, а в комнате будто бы всё ещё пахло дымом. Потом глаза привыкли к темноте: коробки возле окна, старый шкаф, одежда на кресле. Новая квартира. Всего лишь сон.

Она потянулась за телефоном.

03:17.

Анна уже собиралась положить его обратно, когда услышала тихий звук.

Кто-то плакал.

Она замерла. Звук повторился, и теперь сомнений не осталось: плакал ребёнок. Маленькая девочка, судя по голосу, лет пяти-семи.

Плач шёл из стены справа от кровати.

Анна включила лампу. Звук сразу оборвался. Несколько секунд она сидела неподвижно, пытаясь окончательно проснуться и найти разумное объяснение. Голос мог доноситься с улицы, пройти через вентиляцию или перекрытия. В старом доме это возможно.

— Эй? — позвала она.

Тишина.

Анна встала, подошла к стене и приложила ладонь к обоям. Тут же отдёргнула руку. Стена была ледяной. Не просто прохладной — холодной настолько, словно за ней находилось открытое зимнее окно.

Она коснулась стены снова. За обоями кто-то тихо всхлипнул. Анна почувствовала, как по спине прошла дрожь.

— Девочка?

Ответа не было.

Она наклонилась и прижалась ухом к стене. Сначала слышала только собственное дыхание. Потом совсем близко прозвучало:

— Мама?

Анна резко отступила.

Она совершенно отчётливо услышала слово.

— Нет. Я не мама.

За стеной стало тихо. Анна сама не понимала, зачем продолжила разговор.

— Где твоя мама? Она с другой стороны?

Вместо ответа кто-то медленно провёл по стене ногтями. Анна отшатнулась. Следом раздалась три чётких удара.

Тук. Тук. Тук.

Больше в ту ночь девочка не заговорила.

Утром Анну разбудил звонок матери. Тамара Сергеевна вместо приветствия напомнила, что дочь обещала позвонить, и сразу спросила, как прошла первая ночь.

— Нормально.

— Точно?

Анна посмотрела на стену.

— Мам, что с тобой?

— Со мной всё в порядке.

— Тогда почему ты второй день допрашиваешь меня про эту квартиру?

— Я не допрашиваю.

— Вчера ты странно отреагировала на адрес. Потом спросила этаж. Теперь звонишь с утра, будто проверяешь, пережила ли я ночь.

На другом конце линии стало тихо.

— Ты знаешь этот дом?

— Нет.

— Была здесь?

— Анна, мне пора.

— Сейчас восемь утра. Ты обычно выходишь позже.

— Я перезвоню.

Мать отключилась.

Анна некоторое время смотрела на экран. Ещё вчера она могла списать всё на материнскую тревожность, но теперь объяснение казалось слишком удобным.

После душа Анна решила начать с самого простого — спросить соседей. Дверь квартиры 48 открыл мужчина лет пятидесяти в серой футболке, с чашкой кофе в руке. Представился Игорем и сообщил, что живёт здесь девять лет.

— Можно странный вопрос? У вас есть дети?

Игорь поднял брови.

— Нет.

— Маленькие?

— Даже больших нет.

— Просто ночью я слышала ребёнка. Голос шёл из стены моей спальни.

— Из какой стены?

Анна объяснила. Игорь нахмурился.

— Не может быть. Там улица.

— Точно?

— Абсолютно. Но звук мог прийти сверху. Дом старый, здесь иногда вообще непонятно, кто где разговаривает.

Объяснение было вполне разумным. Анна уже собиралась поблагодарить его, когда снова посмотрела на номер квартиры.

— А где сорок седьмая?

— Какая?

— Квартира сорок семь

.Игорь пожал плечами.

— Нигде.

— Вас это никогда не удивляло?

— Первые девять лет — нет. Сегодня тоже не очень. Наверное, когда-то объединили квартиры или поменяли нумерацию.

В этот момент открылась дверь 45. Вера Павловна вышла на площадку и, увидев Анну, заметно напряглась.

— Вера Павловна, подождите. Ночью за стеной моей спальни плакал ребёнок.

Старуха остановилась.

— Что она сказала?

Анна почувствовала, как внутри всё сжалось. Вера Павловна не спросила, какой ребёнок и уверена ли Анна, что слышала голос. Она спросила, что сказала девочка.

— Позвала маму.

Лицо соседки побледнело.

— Вы ей ответили?

— Да.

— Зачем?

— Потому что там плакал ребёнок. Что я должна была сделать?

— Что вы сказали?

— Что я не её мама.

Вера Павловна закрыла глаза.

— Кто эта девочка? — спросила Анна.

— Не знаю.

— Знаете.

— Нет.

— Тогда почему спрашиваете, ответила ли я?

Старуха посмотрела на неё с таким выражением, что Анна на мгновение забыла о раздражении. Это был страх.

— Если услышите её снова, не отвечайте.

— Почему?

— Просто не отвечайте.

Вера Павловна ушла к лестнице, не добавив больше ни слова.

Днём Анна работала из кафе. Оставаться в квартире почему-то не хотелось, хотя самой себе она в этом не признавалась. Ближе к вечеру ей почти удалось убедить себя, что ночной голос действительно мог пройти по перекрытиям. Но слова соседки не вписывались в эту версию. «Если услышите её снова». Не ребёнка. Её. Будто Вера Павловна знала, кто именно плачет за стеной.

Домой Анна вернулась после десяти. В спальне было тихо. Она положила телефон на тумбочку и включила диктофон. Сегодня ей требовалось доказательство. Если голос повторится и попадёт на запись, значит, дело не в воображении. Если ничего не произойдёт, тем лучше.

Она долго не могла уснуть. В 03:16 посмотрела на экран и почувствовала себя нелепо. Взрослая женщина лежит ночью в постели и ждёт, когда заговорит стена.

Цифры сменились.

03:17.

Несколько секунд ничего не происходило. Анна уже начала расслабляться, когда из стены донеслось:

— Мама...

Она открыла глаза, но не ответила.

— Мама...

Красная точка диктофона продолжала мигать.

— Я знаю, что ты здесь.

Анна почувствовала, как холодеют пальцы.

Из стены донеслись три удара.

Тук. Тук. Тук.

Потом появился другой звук. Не из стены — из коридора.

Тихий металлический щелчок.

Анна медленно повернула голову к двери спальни.

Ручка опускалась.

Очень медленно.

Будто кто-то снаружи осторожно нажимал на неё, стараясь не шуметь.

Анна перестала дышать. Ручка дошла до конца, дверь приоткрылась на несколько сантиметров. За ней была темнота.

Она вспомнила, как перед сном собственноручно закрыла входную дверь на оба замка.

Из стены за её спиной снова донёсся голос:

— Мама?

А из тёмного коридора кто-то тихо вдохнул.

Глава 2. За стеной

Анна не двигалась. Несколько секунд она смотрела на узкую чёрную щель между дверью спальни и косяком, пытаясь понять, действительно ли только что услышала дыхание или страх заставил её принять за него обычный звук старого дома. Телефон лежал рядом, диктофон продолжал записывать, красная точка на экране мигала с почти издевательским спокойствием. За стеной больше никто не плакал, но тишина не приносила облегчения. Наоборот, теперь Анне хотелось, чтобы девочка снова заговорила. Детский голос хотя бы находился там, где она ожидала его услышать. То, что могло стоять сейчас в коридоре, было неизвестно.

Она медленно протянула руку к телефону и включила фонарик. Луч лёг на приоткрытую дверь. Ничего. Анна заставила себя встать, подошла ближе и толкнула дверь кончиками пальцев. Коридор оказался пуст. Она посветила в сторону гостиной, затем кухни, открыла ванную и даже заглянула за шторку, хотя прекрасно понимала, насколько нелепо это выглядит. Никого. Входная дверь была закрыта на оба замка и цепочку.

Анна проверила их дважды, потом вернулась в спальню и осмотрела ручку. Старый механизм действительно мог разболтаться, но сам по себе опуститься до конца и открыть дверь не должен был. Она попробовала несколько раз. Чтобы язычок замка вышел из паза, ручку приходилось нажимать довольно сильно.

За спиной что-то тихо скрипнуло.

Анна резко обернулась.

Стена.

Обычная стена в выцветших обоях.

— Хватит, — сказала она вслух, не вполне понимая, обращается к квартире или к себе.

До утра она больше не ложилась. Перебралась в гостиную, включила все лампы и устроилась на диване, завернувшись в плед. Около пяти часов сон всё-таки начал брать своё, но Анна боялась закрывать глаза. В памяти снова возникала тёмная лестница из сна, девочка в белой рубашке и дым. Особенно неприятным было то, что потрескивание огня она слышала не только во сне. Такой же звук оказался на первой записи.

Когда за окнами начало светать, ночной страх стал казаться менее убедительным. При дневном свете любая мистика превращалась в неисправный дверной замок, плохую звукоизоляцию и расшатанные нервы после развода и переезда. Анна почти убедила себя в этом, пока не вспомнила о диктофоне.

Запись длилась двадцать семь минут. Первые несколько минут ничего интересного не происходило: шелест одеяла, далёкий шум машины, её собственное дыхание. Затем прозвучал голос.

— Мама...

Анна сняла наушники и несколько секунд смотрела на телефон. После этого надела их снова и включила запись сначала. Голос не исчез.

— Мама... Я знаю, что ты здесь.

Следом раздались три удара. Потом — металлический щелчок, скрип двери и какое-то движение. Анна увеличила громкость. Между звуками неожиданно обнаружился ещё один слой — тихое потрескивание, которое она уже слышала на предыдущей записи.

Огонь.

Или что-то очень на него похожее.

Она перемотала назад и вслушалась внимательнее. За потрескиванием будто звучал чей-то голос. Мужской, очень далёкий. Разобрать слова удалось не сразу. Анна несколько раз меняла громкость, пока наконец не услышала:

— ...не открывай...

Она сняла наушники.

Теперь существовало доказательство, которое нельзя было объяснить сном. Девочка была на записи. Мужской голос тоже. Значит, либо в доме происходило что-то реальное, либо кто-то намеренно пытался заставить Анну поверить в происходящее.

Вторая версия неожиданно показалась страшнее первой.

Она отправила десятисекундный фрагмент Кате, ничего не объясняя. Ответ пришёл почти сразу.

«Это что?»

«Скажи, что слышишь»

.Катя прислала голосовое:

— Ребёнок говорит «мама». Потом вроде «я знаю, что ты здесь». И ещё что-то трещит. Ты фильм ночью смотрела?

Анна набрала её номер.

— А в конце?

— Подожди.

Несколько секунд Катя молчала.

— Какой-то мужик.

— Что говорит?

— Не знаю. Сейчас наушники найду.

Анна подошла к окну. Во дворе дворник собирал листья, у подъезда остановилось такси. Обычное утро продолжалось так, будто ночью в её квартире ничего не произошло.

— «Не открывай», — сказала Катя. — По-моему, так. А что это вообще?

Анна рассказала. Сначала подруга молчала. Потом спросила:

— Ты сейчас там?

— Да.

— Собери вещи и приезжай ко мне.

— Катя...

— Я серьёзно. Я могу сколько угодно шутить про привидения, но это уже не смешно. Ты одна в квартире, ночью слышишь ребёнка из стены, а дверь сама открывается.

— Входная была закрыта.

— Это должно меня успокоить?

— Я хочу сначала разобраться.

— Вот это твоя самая раздражающая черта. Нормальный человек убегает, а тебе обязательно надо понять, почему за ним гонятся. Анна улыбнулась впервые за утро.

— Я позвоню позже.

— Если к вечеру не позвонишь, я приеду сама.

После разговора Анна решила начать с Веры Павловны. Она постучала в 45 около девяти. Соседка открыла не сразу, хотя Анна слышала шаги за дверью.

— Я знаю, что вы дома.

— Что случилось?

— Откройте.

— Мне нездоровится.

— Тогда я буду разговаривать через дверь.

Несколько секунд ничего не происходило, потом щёлкнул замок. Вера Павловна стояла в тёмном халате, волосы были небрежно собраны на затылке. Вид у неё действительно был уставший.

— Я снова слышала девочку.

Старуха молча смотрела на Анну.

— И не отвечала ей, как вы сказали. Но я всё записала.

- Зачем?
- Потому что хочу понять, что происходит.
- Удалите запись.
- Нет.
- Анна...
- Откуда вы знаете моё имя?

Вера Павловна замерла.

- Вы сами представились.

Анна вспомнила первый день. Да, представилась. Вопрос оказался бессмысленным, и соседка, кажется, почувствовала облегчение.

- Тогда другой. Кто эта девочка?
- Я не знаю.
- Вы вчера спросили, что она сказала, ещё до того, как я рассказала подробности.
- Вы нервничаете и ищите смысл там, где его нет.
- Хорошо. Тогда послушайте.

Анна включила запись. Вера Павловна не хотела брать телефон, поэтому Анна просто увеличила громкость. Детское «мама» прозвучало в прихожей квартиры 45 неожиданно отчётливо.

Соседка побледнела.

Когда появились три удара, её рука сжала край двери.

- Сколько раз? — тихо спросила она.
- Вы слышали. Три.
- Всегда три?
- Пока да. Что это значит?
- Ничего.

Анна почти рассмеялась от раздражения.

- А мужчина? Его вы тоже слышите?

Она включила конец фрагмента.

«Не открывай».

Вера Павловна отступила на шаг.

- Удалите.
- Кто это?
- Не знаю.
- Вы врёте.
- Возможно.

Такого ответа Анна не ожидала.

Вера Павловна устало прислонилась к косяку.

- Иногда ложь сохраняет человеку жизнь.
- Чью?
- Идите домой.
- Мою?

Старуха ничего не ответила.

- Что случилось в сорок седьмой квартире?

Вера Павловна подняла глаза.

- Кто вам сказал про неё?
- Никто. Я умею считать.
- Не ищите её.
- Квартиру?
- Прошное.

Дверь закрылась.

Анна осталась на площадке, чувствуя, что получила подтверждение самому важному. Квартира 47 существовала. Вера Павловна это знала.

Вернувшись домой, Анна позвонила в управляющую компанию. Про голоса и записи она не упоминала. Сказала, что планирует ремонт и хочет проверить стену спальни: ей кажется, за ней есть пустота. После нескольких переключений между отделами диспетчер пообещала прислать специалиста во второй половине дня.

Андрей Сергеевич появился около трёх. Мужчина лет пятидесяти пяти принёс лазерный дальномер, небольшой прибор и распечатанный план. Выслушав Анну, он попросил показать стену.

— Вот эта?

— Да. Что за ней?

Он развернул план.

— Снаружи дом.

— То есть улица?

— Именно.

— Там не может быть другой комнаты?

Андрей Сергеевич посмотрел на неё поверх очков.

— Если верить плану, нет.

— А если не верить?

— Тогда зачем мы его принесли?

Анна улыбнулась.

— Проверьте.

Он измерил спальню, затем коридор, гостиную и ещё несколько участков. После этого нахмурился и повторил измерения. Анна следила за его лицом.

— Что-то не сходится?

— Пока ничего критичного.

— Но?

— Старый дом. Толщина стен гуляет. Перепланировки тоже могли быть.

Он постучал по стене в нескольких местах. В большинстве звук был глухим, но ближе к встроенному шкафу изменился. Андрей Сергеевич постучал снова.

— Здесь интереснее.

— Пустота?

— Возможно. Техническая ниша, старый проём, вентиляционный канал. В таких домах чего только не находят.

— Комната?

— Комната за наружной стеной — это уже архитектурное чудо.

— Вы уверены, что она всегда была наружной?

Мужчина перестал стучать.

— А вот это хороший вопрос.

Он снова посмотрел на план, потом попросил выйти на улицу. Они обошли дом и остановились напротив окон квартиры. Андрей Сергеевич несколько минут сверял расстояния, считал окна и смотрел на фасад.

— Ну?

— Есть небольшое расхождение.

— Насколько небольшое?

— С нынешним планом оно объяснимо. С учётом возраста дома — тем более. Но если хотите знать первоначальную конфигурацию, нужен старый технический паспорт.

— Где его взять?

— Архив. Иногда БТИ хранит копии.

Анна посмотрела вверх. Между её окном и следующим действительно оставался участок фасада шире, чем ей казалось изнутри.

— В доме была квартира сорок семь?

Андрей Сергеевич повернулся к ней.

— Почему спрашиваете?

— Потому что после сорок шестой идёт сорок восьмая.

— Могли объединить.

— Когда?

— Без старых документов не скажу.

— Вы раньше работали с этим домом?

Он задумался.

— Давно. Не уверен, что именно с вашей квартирой.

— Здесь что-то случилось?

— В старых домах всегда что-нибудь случилось.

— Пожар?

Вопрос вырвался сам собой. Андрей Сергеевич посмотрел на неё внимательнее.

— Почему именно пожар?

Анна вспомнила сон и потрескивание на записи.

— Просто спросила.

— Кажется, был. Лет двадцать пять назад, может, больше. После него на одном из этажей делали серьёзную реконструкцию. Но не поручусь, что на четвёртом.

Они вернулись в квартиру. Перед уходом Андрей Сергеевич ещё раз осмотрел стену.

— Совет хотите?

— Конечно.

— Сами её не ломайте.

— Почему?

— Потому что это старый дом. Вы можете найти коммуникации, старый дымоход, несущую кладку. Сначала документы.

— А если на старом плане окажется комната?

Он пожал плечами.

— Тогда будете задавать следующий вопрос: куда она делась.

.После его ухода Анна снова включила запись. Детский голос, три удара, потрескивание, мужское «не открывай». Теперь слово «пожар» не выходило из головы. Она открыла ноутбук и стала искать информацию о доме. Обычные объявления о продаже квартир, историческая справка, фотографии фасада. Дом построен в 1938 году, капитальный ремонт проводился несколько раз. Ничего о пожаре.

Анна ввела адрес и слово «пожар». Поисковик выдал несколько современных происшествий в соседних домах, но нужного не было. Если пожар случился больше двадцати лет назад, неудивительно, что в интернете о нём почти ничего не осталось.

Вечером она вышла в магазин. Возвращаясь, остановилась на площадке. Теперь отсутствие квартиры 47 казалось не случайной особенностью нумерации, а частью истории, которую от неё пытались скрыть.

Анна провела ладонью по стене между своей дверью и 48. Краска лежала неровно, слоями. В одном месте под ней виднелся маленький тёмный уголок металла. Раньше Анна решила бы, что это старое крепление, но теперь достала ключ и осторожно поддела краску.

Осыпался серый кусочек.

Под ним показался металл.

Она счистила ещё немного.

Прямой край.

Анна принесла из квартиры отвёртку. Работала осторожно, стараясь не шуметь. Постепенно из-под краски появилась цифра.

7.

Она остановилась.

Потом начала счищать левую сторону.

Ещё несколько минут — и стала видна вторая цифра.

4.

Старая металлическая табличка была вмурована или прикручена к стене, а потом много раз покрашена. Но номер теперь читался совершенно отчётливо.

47.

Анна смотрела на него, чувствуя не страх, а почти физическое возбуждение от найденного доказательства. Квартира существовала. Это больше не было догадкой.

За спиной щёлкнул замок.

Вера Павловна стояла в дверях.

Увидев очищенную табличку, она побледнела.

— Зачем вы это сделали?

— Потому что вы не хотите ничего рассказывать

.— Закрасьте обратно.

— Нет.

— Анна, пожалуйста.

Впервые соседка не говорила резко. Она просила.

— Что случилось в квартире сорок семь?

Вера Павловна посмотрела на табличку.

— Она была здесь.

— Я уже поняла.

— Дверь была именно здесь.

Анна перевела взгляд на стену.

— Когда её заложили?

— После пожара.

— Значит, пожар действительно был.

Старуха сразу поняла, что сказала лишнее.

— Когда?

— Давно.

— Двадцать семь лет назад?

Вера Павловна вздрогнула.

— Кто вам сказал?

— Значит, двадцать семь.

Соседка отвернулась.

— Там кто-то погиб?

— Не надо.

— Ребёнок?

Вера Павловна резко посмотрела на неё.

— Я не говорила про ребёнка.

— Но я слышу девочку именно оттуда.

— Вы не знаете, откуда вы её слышите.

— Тогда объясните.

Старуха долго молчала, потом неожиданно открыла дверь шире.

— Заходите.

Квартира 45 оказалась почти зеркальным отражением Анниной, только значительно меньше. Здесь пахло лекарствами, чаем и старой мебелью. На стенах висели фотографии в деревянных рамках, на комодѣ стояли фарфоровые фигурки, а на окнах лежали кружевные салфетки.

Вера Павловна поставила чайник.

— Я живу здесь с семьдесят восьмого года. Тогда всё было иначе. Люди знали друг друга. Двери не запирали днём, дети бегали по этажам. Сорок седьмая была обычной квартирой.

— Кто там жил?

Старуха опустила глаза.

— Женщина.

— Имя?

— Не сейчас.

— И девочка?

Рука Веры Павловны дрогнула.

— Да.

Анна почувствовала холод.

— Сколько ей было?

— Не помню.

— Вы помните.

— Анна, я пустила вас сюда не для допроса.

— А зачем?

Соседка поставила перед ней чашку, но сама не села.

— Чтобы попросить оставить это.

— Что именно?

— Всѣ. Стену. Номер. Архивы, если уже решили туда идти.

Анна подняла голову.

— Откуда вы знаете, что я собираюсь в архив?

— Потому что я бы на вашем месте пошла туда же.

— Почему мне нельзя?

Вера Павловна посмотрела на неё устало.

— Потому что я боюсь.

— Девочки?

— Нет.

Ответ прозвучал мгновенно.

— Тогда кого?

Старуха не сказала.

Анна достала телефон и открыла запись.

— Мужчину?

Вера Павловна отвернулась к окну.

— Уходите.

— Вы его знаете?

— Я сказала — уходите.

— Он жил в сорок седьмой?

— Нет.

— Приходил туда?

Вера Павловна резко повернулась.

— Не надо произносить вопросы, ответы на которые вы не готовы услышать.

— А вы перестаньте решать за меня.

Несколько секунд они смотрели друг на друга.

— Если всё-таки пойдёте в архив, — тихо сказала соседка, — не говорите там, что живёте здесь.

— Почему?

— Просто не говорите.

— И всё?

— И если найдёте старые фотографии, не приносите их ко мне.

Анна поднялась.

— Почему фотографии?

Но Вера Павловна уже открывала дверь

Разговор был окончен.

Вернувшись к себе, Анна увидела пропущенный звонок от управляющей компании. Перезвонила. Женщина сообщила, что в старых внутренних данных нашлась запись о реконструкции после «аварийного повреждения». Документ относился к четвёртому этажу и затрагивал квартиры 46, 47 и 48.

— Можете прислать копию?

— Полной у нас нет. Только карточка.

— Что там написано про сорок седьмую?

На другом конце послышался стук клавиш.

— «Помещение исключить из жилого фонда. Самостоятельный вход заложить». Дальше плохо читается.

Анна посмотрела в сторону входной двери.

За ней, под несколькими слоями краски, находилась табличка 47.

— Когда это было?

Женщина назвала год.

Двадцать семь лет назад.

Анна поблагодарила и отключилась.

Теперь последовательность выглядела яснее. Была квартира 47. В ней жили женщина и девочка. Двадцать семь лет назад произошёл пожар. После этого квартиру исключили из жилого фонда, вход заложили, а её номер исчез.

Но оставался главный вопрос.

Куда делась сама квартира?

Анна прошла в спальню и посмотрела на стену. Если Андрей Сергеевич прав, часть пространства могла быть замурована или перераспределена. Завтра она поедет в архив и найдёт старый план.

Вечером позвонила Катя. Анна рассказала о табличке и пожаре.

— Мне всё меньше нравится эта история.

— Мне тоже.

— Отлично. Тогда приезжай ко мне.

— Нет.

— Я знала, что ты это скажешь.

— Мне нужно понять, что произошло.

— А если поймёшь?

Анна посмотрела на стену.

— Тогда решу, что делать дальше.

Катя вздохнула.

— Хотя бы не разговаривай ночью со своей девочкой.

— Она не моя.

После этих слов Анна почему-то почувствовала неприятный холод.

Около полуночи она легла, но долго не могла уснуть. Телефон оставила на тумбочке, запись включать не стала. Она обещала себе, что сегодня не будет ждать 03:17.

Разумеется, всё равно проснулась за несколько минут до этого времени.

03:14.

Анна закрыла глаза.

03:15.

Тишина.

03:16.

Она уже ненавидела эти цифры.

Когда время сменилось на 03:17, ничего не произошло.

Анна лежала неподвижно.

Минута.

Вторая.

Никакого плача.

Она почти улыбнулась.

И тогда услышала тихий скрежет.

Анна открыла глаза.

Звук шёл не из стены.

Из коридора.

Она включила лампу и вышла из спальни. Скрежет прекратился. В квартире никого не было. Анна подошла к входной двери и посмотрела в глазок. Пустая площадка. Она уже собиралась вернуться, когда заметила под дверью серую пыль. Крошки штукатурки. Анна открыла дверь. На площадке никого. Свет горел. Двери 45 и 48 были закрыты. Она повернула голову к старой табличке.

47.

Под ней появилась тонкая вертикальная трещина. Анна провела по ней пальцами. Штукатурка осыпалась. Под ней оказался красный кирпич. Она соскоблила ещё немного и отступила. Это была не обычная стена. Перед ней находился заложённый кирпичом дверной проём. Анна вернулась в квартиру за фонариком. Когда снова вышла на площадку, ей показалось, что из-за кирпичной кладки донёсся слабый звук. Она приблизилась. Приложила ухо. Сначала ничего. Потом — дыхание.

Детское.

— Анна...

Она отшатнулась. Девочка впервые назвала её по имени.

— Открой.

Анна замерла. За кирпичами что-то тихо заскреблось.

— Анна... пожалуйста.

Она сделала шаг назад.

Слова Веры Павловны всплыли в памяти слишком поздно. «Если услышите её снова, не отвечайте». Анна молчала. За заложённой дверью ребёнок заплакал. Потом плач оборвался. Наступила тишина. И в этой тишине Анна услышала совсем другой звук. Медленные тяжёлые шаги. Они приближались к девочке с той стороны стены. Ребёнок тихо всхлипнул.

— Он опять пришёл.

Глава 3. Старый план.

— Он опять пришёл.

Детский голос был настолько тихим, что Анна могла бы решить, будто ей послышалось, если бы не последнее слово. «Опять». Оно меняло всё. Девочка боялась не случайного человека. Тот, кто приближался к ней с другой стороны заложённой двери, уже приходил раньше.

Анна отступила от стены. За кирпичами снова послышались шаги — тяжёлые, размеренные. Они приближались несколько секунд, потом внезапно оборвались. Девочка больше не плакала. Наступила тишина, настолько полная, что Анна услышала гудение лампы под потолком.

Она не стала ждать продолжения. Вернулась в квартиру, заперла дверь и записала в телефон всё, что произошло, пока подробности не начали стираться из памяти. Время — 03:17. Голос назвал её по имени. Фраза — «Он опять пришёл». Шаги. Заложённый дверной проём под табличкой 47.

Потом Анна открыла календарь. До открытия городского архива оставалось меньше пяти часов.

На этот раз она не собиралась спрашивать разрешения у Веры Павловны.

Утром Анна вышла из дома раньше восьми. Ночь без сна давала о себе знать, но усталость почти не чувствовалась. Её сменило другое состояние — холодная сосредоточенность. За последние дни произошло достаточно, чтобы перестать ждать рационального объяснения каждому отдельному событию. Теперь Анне требовалась последовательность фактов.

Она начала составлять её прямо в такси.

Дом построен в 1938 году. Квартира 47 существовала. Двадцать семь лет назад произошёл пожар. После пожара помещение исключили из жилого фонда, вход заложили. В квартире жили женщина и девочка. Девочку Анна слышит ночью. Вера Павловна знает об этом и боится не ребёнка, а кого-то другого. Мать знает дом, хотя утверждает обратное.

Последний пункт тревожил сильнее остальных.

Анна позвонила Тамаре. Мать не ответила.

Она попробовала ещё раз.

Снова без ответа.

«Мне нужно с тобой поговорить. Это важно», — написала Анна.

Сообщение было прочитано почти сразу, но ответа не последовало.

Городской архив располагался в старом административном здании, которое само выглядело подходящим местом для хранения чужих секретов. После заполнения заявления Анну отправили в читальный зал. Молодая сотрудница за стеклом спросила, что именно требуется.

— Первоначальный план дома и все изменения планировки четвёртого этажа примерно за последние тридцать лет.

— Причина запроса?

— Купила там квартиру. Планирую ремонт.

Анна вспомнила предупреждение Веры Павловны и намеренно не назвала номер квартиры.

Сотрудница посмотрела адрес, ввела что-то в компьютер.

— Основная часть фонда оцифрована не полностью. Придётся подождать.

— Сколько?

— Минут сорок. Может, час.

Через тридцать пять минут на стол перед Анной легла толстая картонная папка.

Первые документы относились к строительству дома. Планы, акты, инженерные схемы. Анна быстро перелистывала страницы, пока не нашла схему четвёртого этажа.

И замерла.

На плане были обозначены квартиры 44, 45, 46, 47 и 48.

Сорок седьмая существовала.

Не условно. Не как ошибка старой нумерации. Это была полноценная отдельная квартира. Анна достала телефон и сфотографировала план.

Квартира 47 располагалась именно там, где сейчас находилась часть её спальни и участок между 46 и 48. У неё был собственный вход с лестничной площадки — тот самый, который теперь заложили кирпичом. Внутри находились небольшая прихожая, кухня, гостиная и две комнаты.

Одна из комнат граничила с нынешней спальней Анны.

Она увеличила фотографию.

Нет.

Не просто граничила.

Часть этой комнаты теперь входила в её квартиру.

Анна достала современный план, сохранённый в телефоне после покупки, и положила рядом. Сравнила стены. Ошибки не было. Примерно треть нынешней спальни раньше относилась к квартире 47. И судя по размеру комнаты, это вполне могла быть детская. Анна почувствовала неприятный холод в ладонях. Значит, когда девочка плакала «за стеной», звук действительно исходил из места, где когда-то находилась её комната. Она продолжила листать документы. После нескольких актов текущего ремонта появился файл с нужной датой. Двадцать семь лет назад.

«Повреждение жилого помещения вследствие пожара».

Анна выпрямилась. В акте перечислялись квартиры 46, 47 и 48. Основные повреждения пришлись на сорок седьмую. Следующая бумага содержала решение о признании квартиры непригодной для проживания. Ещё одна — разрешение на изменение конфигурации смежных помещений. Анна читала медленно. Часть площади 47 присоединялась к 46. Часть — к 48. Самостоятельный вход ликвидировался. Номер квартиры исключался из последующей нумерации. Всё объяснялось. Почти. Анна взяла лист бумаги и начала считать площадь. Старая квартира 47 — пятьдесят восемь квадратных метров. К 46 после реконструкции добавили двадцать один. К 48 — семнадцать. Анна пересчитала. Потом ещё раз. Не хватало двадцати квадратных метров. Она подозвала сотрудницу.

— Простите. Здесь, наверное, ещё один документ должен быть.

Женщина подошла.

— Какой?

Анна показала расчёт.

— Квартира была пятьдесят восемь метров. После реконструкции двадцать один метр отдали одной соседней квартире, семнадцать — другой. Куда делись остальные двадцать?

Сотрудница просмотрела бумаги.

— Возможно, перевели в техническое помещение.

— Тогда это должно быть указано.

— Обычно да.

— А здесь?

Женщина ещё раз проверила папку.

— Здесь нет.

— Может, документ потерял?

— Может быть.

— Или помещение существует до сих пор?

Сотрудница посмотрела на Анну.

— Я не могу делать такие выводы.

Анна сфотографировала и этот документ. Теперь у неё появилась новая проблема. За стенами четвёртого этажа могли находиться двадцать квадратных метров пространства, которых официально не существовало. Она вернулась к папке. Следующим оказался акт обследования после пожара. Несколько страниц были повреждены, часть текста почти выцвела. Анна читала строки, пока не увидела фразу: «жилец погиб». Имени не было. Дальше упоминался несовершеннолетний член семьи, местонахождение которого на момент составления акта не установлено. Анна перечитала. Несовершеннолетний. Девочка. Она попросила доступ к городской прессе за тот год. Поиск занял меньше времени, чем ожидалось. В архивной подшивке местной газеты Анна нашла маленькую заметку на четвёртой странице. «Ночной пожар в жилом доме». Адрес совпадал. Она начала читать. Пожар произошёл ночью. Возгорание обнаружили соседи. Одна женщина погибла. Её семилетняя дочь после происшествия обнаружена не была. Анна почувствовала, как учащается пульс. В заметке было указано время поступления вызова пожарным.

03:17.

Она перечитала цифры. Потом посмотрела на часы на телефоне, словно время могло измениться.

03:17.

Именно в это время она просыпалась. Именно тогда начинал плакать ребёнок. Именно в 03:17 девочка называла её мамой. Анна сфотографировала статью и продолжила искать. Через два дня газета опубликовала ещё одну короткую заметку.

«Поиски семилетней Елизаветы Беловой продолжаются».

Теперь было имя. Елизавета Белова. Лиза. Мать — Елена Белова, тридцать один год. Анна несколько секунд смотрела на строчки. Елена погибла при пожаре. Лиза исчезла. Тела ребёнка не нашли. Она записала имена в телефон. Елена Белова, 31. Елизавета Белова, 7. Следующая публикация оказалась через неделю. Поиски продолжались, полиция рассматривала несколько версий. Предполагалось, что ребёнок мог самостоятельно выбраться из квартиры и в состоянии шока уйти со двора. Волонтёры проверяли подвалы, чердаки, соседние улицы. К статье прилагалась маленькая чёрно-белая фотография. Анна приблизила её. Девочка лет семи смотрела прямо в камеру. Тёмные волосы до плеч, серьёзные глаза, тонкое лицо. На несколько секунд Анне стало трудно дышать. Не потому, что она узнала ребёнка. Она его не знала. Но в лице девочки было что-то неприятно знакомое. Анна увеличила фотографию ещё сильнее. Изображение распалось на газетные точки. Она выключила экран. Совпадение. Детские лица часто похожи. Особенно на старых некачественных фотографиях.

Телефон завибрировал. Мама. Анна ответила сразу.

— Ты где?

Голос Тамары звучал напряжённо.

— В архиве. Молчание.

— В каком архиве?

— Городском.

— Зачем?

— Ищу информацию о пожаре.

На другом конце стало совершенно тихо.

— Мам?

— В каком пожаре?

— В моём доме. Двадцать семь лет назад.

— Анна, прекрати

. Это было сказано так резко, что Анна выпрямилась.

— Что прекратить?

— Искать.

- Почему?
- Потому что тебе это не нужно.
- Ты даже не спросила, что я нашла.
- Тамара молчала.
- Мама, кто такая Елена Белова?
- Ответа не было.
- Кто такая Лиза Белова?
- Анна услышала короткий вдох. И всё поняла. Не ответ. Но достаточно.
- Ты знаешь это имя.
- Анна...
- Ты знаешь Лизу Белову?
- Где ты его увидела?
- В газете.
- В какой?
- Старой. После пожара.
- Тамара тяжело выдохнула.
- Уезжай оттуда.
- Из архива?
- Из квартиры.
- Почему?
- Просто уезжай.
- Нет. Сначала ты скажешь, что происходит.
- По телефону не буду.
- Тогда приезжай.
- Мать молчала.
- Мам, ты была в этом доме двадцать семь лет назад?

Связь оборвалась. Анна посмотрела на экран. На этот раз она уже не могла сказать себе, что мать просто нервничает. Тамара знала имя Лизы. Вопрос был только в том, откуда. Анна вернулась к газетам. Теперь расследование перестало быть историей о странной квартире. Оно каким-то образом коснулось её семьи. Она нашла ещё несколько заметок. Через месяц после пожара поиски Лизы официально продолжались, но новых сведений не было. Затем имя девочки исчезло со страниц газет. Ни сообщения о найденном теле. Ни информации о том, что ребёнка обнаружили живым. Ничего. Лиза Белова словно перестала существовать. Анна попросила сведения о зарегистрированных жильцах квартиры 47. На этот раз пришлось ждать дольше. Сотрудница принесла другую папку и предупредила, что копирование некоторых документов ограничено, но записи можно переписать. В регистрационной карточке значились двое. Белова Елена Андреевна, 31 год. Белова Елизавета, дочь, 7 лет. Графа «отец» была пустой. Анна переписала данные. На предыдущем месте регистрации Елены фигурировала другая фамилия — Беляев. Рядом стояло имя мужчины: Виктор Павлович Беляев. Анна машинально записала и его, не придав особого значения. Это мог быть родственник, прежний владелец жилья, кто угодно. Сейчас её интересовало другое

.Лиза.

Почему её не нашли?

Если девочка погибла в квартире, тело должны были обнаружить. Если выбралась — кто-то должен был её видеть. Анна снова изучила план. Вход один. Окна выходили на улицу и во двор. Четвёртый этаж. Семилетний ребёнок не мог просто исчезнуть. Значит, либо кто-то вывел Лизу из дома, либо в квартире существовал другой путь. Мысль заставила Анну вспомнить недостающие двадцать квадратных метров. Она сфотографировала схему ещё раз. На плане возле маленькой комнаты была обозначена толстая конструкция, похожая на встроенный шкаф

или техническую нишу. На современном плане в том же месте находился её старый шкаф. Анна увеличила участок. Совпадение? Пока слишком рано. Она закрыла папку. Перед уходом сотрудница неожиданно спросила:

— Вы историей дома занимаетесь?

— Вроде того.

- Просто вы уже третий человек, который спрашивает про эту квартиру.

Анна остановилась.

— Про сорок седьмую?

Женщина сразу поняла, что сказала лишнее.

— Я не должна обсуждать других посетителей.

— Когда приходили остальные?

— Не помню.

— Недавно?

— Один — несколько лет назад. Другой... Она задумалась.

— Кажется, прошлой зимой.

— Мужчина или женщина?

— Мужчина.

— Возраст?

— Простите, я действительно не могу.

Анна не стала давить. Но появилась ещё одна запись в её списке. Кто-то продолжал интересоваться квартирой 47 спустя двадцать семь лет после пожара. Когда Анна вышла из архива, на улице шёл дождь. Она остановилась под козырьком и снова посмотрела на фотографию Лизы. На этот раз не увеличивала. Просто смотрела. Семь лет. Анна попыталась вспомнить себя в семь. Первый класс. Школа. Учительница. Квартира родителей. Она нахмурилась. Воспоминания были. И одновременно их будто не было. Анна помнила себя за партой. Помнила школьный коридор. Помнила красный ранец. Но стоило попытаться увидеть конкретный день, лицо учительницы или комнату, где она просыпалась утром, всё становилось расплывчатым. Она быстро убрала телефон. Нет. Вот этого делать не надо. Человеческая память ненадёжна. Особенно детская. Она не собиралась строить теории на том, чего не помнит. Такси уже подъезжало, когда пришло сообщение от матери.

«Не возвращайся сегодня в эту квартиру».

Анна прочитала его дважды.

Набрала: «Почему?»

Ответа не было.

«Ты знала Елену Белову?»

Тишина.

«Ты знала Лизу?»

Сообщение долго оставалось непрочитанным. Потом появились две синие отметки. Телефон зазвонил почти сразу.

— Где ты сейчас? — спросила Тамара.

— Возле архива.

— Поезжай к Кате.

— Нет.

— Анна, пожалуйста.

В голосе матери было что-то, чего Анна почти никогда не слышала. Страх.

— Сначала ответь на один вопрос. Ты знала Лизу Белову?

Тамара долго молчала.

— Я знала о ней.

— Откуда?

— Не по телефону.

— Тогда приезжай.

— Сегодня не могу.

— Почему?

— Потому что мне нужно подумать.

Анна почувствовала, как внутри поднимается злость.

— У тебя было двадцать семь лет подумать.

Мать резко вдохнула. Анна сама удивилась сказанному.

— Почему именно двадцать семь? — спросила Тамара.

— Потому что пожар был двадцать семь лет назад.

Снова тишина.

— Анна, послушай меня. Не трогай стену. Не разговаривай с соседями. И сегодня там не ночуй.

— Откуда ты знаешь про стену?

Тамара не ответила.

— Я не говорила тебе о стене.

Анна услышала короткий шум, будто мать села.

— Мам?

— Уезжай оттуда.

— Ты была в этом доме?

Долгая пауза.

— Была.

Анна перестала замечать дождь, машины, людей вокруг.

— Когда?

— Давно.

— Двадцать семь лет назад?

Связь снова оборвалась. На этот раз Анна не перезвонила. Она села в такси и всю дорогу смотрела на фотографии документов. Старый план. Акт после пожара. Недостающие двадцать квадратных метров. Газетная статья. 03:17. Елена Белова. Лиза Белова. И мать, которая двадцать семь лет скрывала связь с этим домом

.К вечеру Анна уже знала, что не поедет к Кате. Страх матери только укрепил решение вернуться домой. Первым делом она открыла ноутбук и создала отдельную папку:

«47».

Внутри разложила фотографии по датам, а затем составила короткий список:

«Пожар — 27 лет назад. Вызов пожарных — 03:17. Елена Белова, 31 — погибла. Елизавета Белова, 7 — пропала. Тело Лизы не найдено. Квартира 47 ликвидирована. Часть площади присоединена к 46 и 48. Около 20 м² отсутствуют на нынешнем плане. Мама знает Лизу. Мама была в доме». Анна перечитала последнюю строку. Потом добавила: «Кто ещё ищет квартиру 47?» Она позвонила Кате.

— Ты занята?

— Уже нет. По голосу понимаю, что у нас опять привидение.

— У нас пожар, погибшая женщина, пропавший ребёнок и моя мать, которая знала про этот дом.

Катя помолчала.

— Я еду.

Через сорок минут она сидела на кухне Анны, просматривая документы.

— Подожди. То есть комната, где ты спишь, раньше частично принадлежала этой квартире?

— Да.

— И там жила девочка?

— Да.

— Которая исчезла?

— Да.

Катя отодвинула ноутбук.

— И ты всё ещё собираешься здесь ночевать?

— Именно поэтому.

— Иногда мне кажется, что развод плохо на тебя повлиял

.Анна улыбнулась.

— Посмотри сюда.

Она показала расчёт площади. Катя быстро поняла.

— Двадцать метров.

— Которых нет.

— Может, ошибка?

— Может.

— А если нет?

Обе посмотрели в сторону спальни.

— Тогда часть сорок седьмой квартиры до сих пор существует, — сказала Анна. Катя встала.

— Покажи стену.

Они прошли в спальню. Анна достала старый план и стала объяснять, где раньше проходила граница квартиры. Катя несколько раз постучала по стене.

— Тут глухо.

— Андрей Сергеевич тоже проверял. Ближе к шкафу звук меняется.

Катя подошла к старому встроенному шкафу.

— Его открывала?

— Конечно. Там одежда.

— Я не про это. За ним.

Анна посмотрела на неё. Шкаф занимал почти всю стену и выглядел значительно старше остальной мебели. Его задняя панель была закрыта листами фанеры. Анна вспомнила обозначение на старом плане. Техническая ниша. Или шкаф. В том же месте. Катя постучала по задней стенке. Звук был пустым.

— Вот это мне совсем не нравится.

Анна подошла ближе.

— Завтра найдём человека и нормально проверим.

— Сегодня ничего не ломаем.

— Не ломаем.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Катя осталась ночевать. К трём часам они перебрались в спальню. Анна поставила телефон на тумбочку и включила запись, Катя сделала то же самое со своим. Первые минуты они ещё пытались шутить, но чем ближе стрелки подбирались к знакомому времени, тем реже звучали реплики. В 03:16 Катя окончательно замолчала. Анна сидела на краю кровати и смотрела на экран телефона. Она уже знала, чего ждёт, и всё равно какая-то часть её надеялась, что сегодня ничего не произойдёт. Тогда можно будет сказать себе, что предыдущие ночи были случайностью, странным совпадением, чем угодно — только не тем, чем они начинали казаться. Цифры сменились. 03:17. Несколько секунд ничего не происходило. Катя шумно выдохнула и уже открыла рот, собираясь что-то сказать, когда из стены донёсся детский плач. Анна не посмотрела на стену. Она смотрела на Катю. Подруга побледнела. И именно выражение её лица

испугало Анну сильнее самого голоса. Теперь рядом находился человек, который слышал то же самое. Больше нельзя было объяснить происходящее бессонницей, нервным срывом после развода или слишком богатым воображением.

— Мама? — тихо позвала девочка.

Катя повернула голову к стене. Анна приложила палец к губам, напоминая о предупреждении Веры Павловны.

— Мама... Почему ты ушла?

Детский голос дрогнул.

— Ты обещала вернуться.

Катя не выдержала.

— Кто ты?

— Не надо! — Анна резко повернулась к ней

.В тот же момент погас свет. Не только лампа в спальне. Исчезла полоска света под дверью, погасли фонари за окном, умолк привычный гул квартиры. Комната провалилась в такую плотную темноту, что Анна на мгновение перестала различать даже силуэт сидящей рядом Кати.

— Это сейчас было из-за меня? — прошептала та. Анна нащупала её руку.

— Не знаю.

Плач прекратился.

Они сидели молча, вслушиваясь в темноту, пока из коридора не донёсся едва различимый звук. Шаг. Потом ещё один. Медленный, лёгкий, почти невесомый. Так мог идти по старому паркету босой ребёнок. Катя стиснула пальцы Анны. Шаги приблизились к спальне и остановились. Телефон Анны внезапно зазвонил. Обе вздрогнули. На экране высветилось:

«Мама».

Анна ответила.

— Мам?

— Ты дома?

Голос Тамары звучал так, будто она не спала.

— Да.

— Ты одна?

Анна посмотрела на Катю.

— Нет. Катя со мной.

На другом конце послышался облегчённый выдох.

— Уходите.

— Сейчас три часа ночи.

— Я знаю.

Анна посмотрела на экран. 03:18.

— Почему ты звонишь именно сейчас?

Мать молчала.

— Мам, что произошло в этом доме двадцать семь лет назад?

— Не сейчас.

— Нет. Именно сейчас. Ты знала Елену. Ты знала Лизу. Ты знала про стену. Я хочу знать почему.

— Я не знала Елену так, как ты думаешь.

— А Лизу?

Тамара не ответила.

— Ты сказала, что была в этом доме. Когда?

Пауза затянулась.

— В ту ночь.

Анна почувствовала, как холодеет лицо.

— В ночь пожара?

— Да

.— До пожара или после?

Тамара долго не отвечала. Потом тихо сказала:

— Я приехала к этому дому после трёх часов ночи.

Анна встала.

— Зачем?

— Потому что мне позвонили.

— Кто?

Тишина.

— Кто тебе позвонил?

— Сергей.

Имя отца прозвучало так неожиданно, что Анна не сразу поняла услышанное

.— Папа?

Катя подняла голову.

— Да, — сказала Тамара. Анна прижала телефон к уху.

— Какое отношение папа имел к квартире сорок семь?

На другом конце линии послышалось тяжёлое дыхание.

— Мам?

— Анна, я приеду утром.

— Нет. Скажи сейчас.

— По телефону нельзя.

— Почему?

— Потому что я двадцать семь лет надеялась, что мне никогда не придётся тебе этого рассказывать.

Связь оборвалась. Анна не пыталась перезвонить. Несколько секунд она стояла в темноте, держа телефон возле уха. Катя первой нарушила молчание:

— Сергей — это твой отец?

— Да.

— И он был здесь в ночь пожара?

Анна медленно опустила руку.

— Похоже, да.

Свет неожиданно вернулся. Лампа вспыхнула под потолком. Обе одновременно повернулись к стене.

Никого.

Тишина.

Но теперь Анна смотрела на неё иначе. До сегодняшнего дня квартира 47 была чужой тайной. Теперь она знала, что её отец находился здесь в ночь, когда погибла Елена Белова и исчезла семилетняя Лиза. А её мать приехала к этому дому сразу после трёх часов ночи.

Анна подошла к ноутбуку и открыла список. Под строкой «Мама была в доме» она добавила ещё одну:

«Сергей Воронцов — здесь в ночь пожара».

Потом посмотрела на время.

03:21.

За стеной раздались три тихих удара.

Анна больше не вздрогнула.

Она смотрела на новую строчку и впервые подумала, что все эти ночи девочка, возможно, пыталась рассказать ей не о квартире

.А о её собственной семье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.